

Сука. Роль, которую продиктовала жизнь

Автор:

Денис Байгужин

Сука. Роль, которую продиктовала жизнь

Денис Байгужин

Психология обольщения

У героини новой книги Дениса непростая судьба. Брошенная матерью в детстве, она боролась за свое место под солнцем так яростно, как только могла. На ее пути были сложные испытания: жизнь со строгой бабушкой и равнодушным отцом, травля сверстников, первая любовь к взрослому человеку – школьному учителю, который раньше других разглядел в ней ранимую и нежную душу... Мягкая внутри, она готова была открыться миру, но мир оказался жесток. Ей пришлось принять правила игры, которые он диктовал. Чтобы узнать, к чему все это привело, читайте эту увлекательную, полную неожиданных поворотов историю.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Денис Байгужин

Сука. Роль, которую продиктовала жизнь

© Денис Байгужин, текст, 2020

© ООО «Издательство АСТ», оформление, 2020

Глава 1

Девушка уселась в кресло в позе лотоса. Так было принято. Она любила находиться в кабинете на втором этаже, где все было в светлых тонах. В интерьере и в одежде она предпочитала белый цвет, называя его образцом женственности и непорочности. С умным видом она занималась всякой ерундой, например, переставляла вещи с места на место или вертела в руках золотистую статуэтку кошки. Определить, что она дома, было легко: она либо разговаривала по телефону, либо залипала на мелкие детали, как сейчас – взяла баночку со скрепками, вывалила ее содержимое на стол и увлеченно стала распределять железки по группам. Я не понимала, как можно тратить столько времени на эти бесполезные занятия. Я во многом ее не понимала, и мне потребовался ровно год на то, чтобы узнать, кто она такая.

– Джейн, ты какой коктейль сегодня хочешь? Ананасовый или, может быть, клубничный с кокосовым молоком? – сказала я, пробираясь на второй этаж. Легким нажатием кнопки я раздвинула белую ширму с иероглифами.

– Ой, Мэджи, я даже не знаю, – с ленцой ответила Джейн, не отвлекаясь от скрепок, – все настолько вкусно. А можно смешать это вместе?

Джейн любила растягивать слова, словно она поет, и делать между ними паузы. С первого взгляда могло показаться, что она пытается произвести впечатление, но нет, у нее всегда так было. Она вела себя таким образом даже дома, будто играла на сцене, причем обычно это называют плохой актерской игрой. Хороший актер находится в состоянии, плохой пытается передать это состояние. Как бы между делом я заявила: «Помню, Сэм обещал отвезти нас в серфинг-клуб. Надеюсь, получится».

– Опять серфинг! Мэджи, ты неисправима! Я быстрее стану кормом для акул, чем встану на эту треклятую доску, – нервно сказала Джейн.

«Было бы здорово, если бы тебя съели акулы», – подумала я, но, конечно же, не произнесла этого вслух. Давно мечтаю увидеть Джейн попавшей под машину,

погрызанной дикими собаками или съеденной акулами. Но если это случится, то нескоро.

Сэм – это наш общий знакомый. Ничего личного. Он часто возил нас в серфинг-клуб – место, где собирается много богатых людей из окрестностей, где все эти люди ходят с каменными лицами, напоминающими статуи. Одеты с иголки, двигаются так, словно по подиуму, говорят тихо и медленно. Там можно встретить девушек, чьи груди больше их голов и чьи губы заставляют думать о сомах или других видах диковинных рыб. И все это так торжественно, спокойно. К вечеру, когда количество выпитого или иным образом употребленного превышает все возможные лимиты, обстановка меняется. Из скорлупы неподвижных статуй вырываются наружу звери: тигры, обезьяны, собаки, свиньи. Издают в микрофон характерные звериные звуки, и этот визг под музыку называется «караоке». Те, чье былое спокойствие и невозмутимость можно было сравнить с аристократическим, теперь пляшут по танцполу, стягивают с себя галстуки и пиджаки, помогают до молодых хостес и официанток.

– Ты издеваешься? – взбодрила я Джейн. – У нас нет акул! Телевизора посмотрелась, что ли?

– У нас нет телевизора, – пробормотала Джейн.

– Ни акул, ни телевизора. Что за жизнь? – улыбнулась я. – И вообще, хватит болтать, спускайся, я хочу угостить тебя коктейлем! – произнесла я и тут же засмеялась, глядя на композицию из скрепок, выложенную на столе.

Джейн сообщила, что ждет звонка, и попросила не мешать ей. Облом. Ну когда же, когда? Сколько времени мне терпеть эту Джейн?

«Ведет себя прямо как моя мать», – подумала я.

«Как мать? Откуда ты знаешь, как вела бы себя твоя мать, если ты с ней даже никогда не общалась?» – перебил меня внутренний голос.

«Точно», – согласилась я.

С недавних пор я беседую сама с собой. Я на много месяцев практически выпала из жизни, и эти абсурдные внутренние диалоги, в которых я пламенно спорила сама с собой, смешила себя и доказывала, что нужно жить дальше, были наглой ложью. Но именно ложь и помогала мне жить дальше. Все люди лгут, сначала себе, а потом и другим.

Я спустилась по лестнице на первый этаж, где на светлом полу гуляли лучи солнца и нежился кот Джейн. Обычный, бело-рыжий, таких японцы любят изображать на открытках. Она все еще увлеченно разговаривала с кем-то, и этот разговор затянулся почти на три часа, а я стояла на кухне и ждала ее, как истукан. Я вновь поднялась на второй этаж и посмотрела на нее. Она говорила что-то о путешествиях и с таким же энтузиазмом выкладывала на столе рисунки из скрепок.

– Меня зовут в Индонезию, не знаю, ехать или нет, – говорила она кому-то по телефону, – нужно не только выбирать, куда поехать, но и с кем, – продолжала она. Очевидно, речь шла обо мне и о других людях, которым я кинула клич о предстоящей поездке. – Не знаю, как поведут себя эти люди, в путешествиях все раскрываются с другой стороны. Была история с одной девушкой; мы поехали на автомобиле и уже находились в пятистах километрах от пункта отправления, а она начала плакать и просить отвести ее обратно. Думали, она под кислотой и ее отпустит, но не тут-то было. Она всю дорогу ныла о том, как ей с нами плохо, и поездка была испорчена.

Значит, она отказывается от поездки со мной. Прочухала. Ну что ж, видимо, еще не пришло время, и придется изменить стратегию. Еще один день зря потрачен на ожидание, когда Джейн наконец обратит на меня внимание. То она в разъездах, то занята своими бесконечными разговорами по телефону, то у нее нет настроения. Про таких женщин говорят «неудобная». Не недоступная, а именно неудобная. Если бы я была мужиком и захотела бы замутить с ней, я бы моментально утратила к ней интерес после первых упоминаний о ее путешествиях, потому что под таких людей надо подстраиваться.

Вместо коктейля я приготовила себе травяной чай с лимоном, и это напомнило мне о моем детстве. Лето, отец, бабушка, дача, я иду босиком по залитой солнцем равнине и собираю букет ромашек. Замечательное состояние естественности, когда ничего не нужно. Воспоминания закрутили меня так, что мой взгляд сфокусировался на стене. На обоях были серебристые ромбики на белом фоне, и раньше я не замечала в них ничего особенного, а теперь вижу,

как они меняются, как играют на них блики солнца и рисунок кажется иным. И это тоже было враньем. Весь мир проникся враньем.

«А что, если Джейн – твоя мать? Не родная, допустим», – вмешался внутренний голос.

«Молчи!» – приказала я.

«Зачем молчать, когда так оно и есть? Есть кровные дети, есть приемные, есть названные. А есть еще и прошлые жизни!»

«Ой, давай без эзотерики! Фу!»

Я очнулась и пошла в кабинет, в котором ее уже не было, затем вышла на веранду и увидела Джейн. Она качалась в гамаке и беседовала с кем-то по видеосвязи на своем смартфоне. Увидев меня, она показала мне средний палец.

«Хотя... – произнесла внутри себя я, – никто ведь не отрицает вероятность прошлых жизней. Может, и правда мы уже были знакомы ранее, но встретились спустя десятилетия. Кто знает, предположим».

Противоречия. Джейн – пушистая, ласковая кошка, которая может впиться когтями в свою добычу и беспрепятственно отразить ответное нападение. На протяжении года меня мучил вопрос, кто она такая. Между нами много общего, она так же одинока, как и я. Отличаемся мы тем, что я не пользуюсь социальными сетями, вообще. В определенный момент потребность выкладывать фотографии в Instagram отпала сама, а затем я удалила все свои аккаунты. Публичность и блогерство часто выбирают те, кто хочет компенсировать дефицит общения. Не говорю про всех блогеров, но это точно про Джейн. Она ищет не короткие эмоциональные вспышки, а глубокую душевную привязанность, преданность, искренность, глубину.

Мы ищем эти качества, но натываемся на ложь, манипуляции и вранье. Наблюдается тренд на естественность, в котором люди склонны искать хоть каплю утраченного. Вместо еды – синтетические перекусы, вместо чистого звучания музыкальных инструментов – монотонная долбежка, вместо отношений – взаимная эксплуатация. В таких условиях нужно не искать натуральность, а приспособливаться к тому синтетическому миру, который уже

есть, и нарушать правила ради своей выгоды.

«Так и сделаем. Отомстим ей, да?»

«Да, да», – соглашаюсь я.

В ее доме я провела две недели, и с каждым днем болтовня по телефону и каждодневный просмотр видеороликов все больше и больше надоедали. По вечерам я разжигаю камин, сажусь перед ним в кресло-мешок, беру в руки ноутбук или книгу. Когда устаю от восприятия информации, я начинаю созерцать огонь. Никаких мыслей. Простое занятие, но я его запомнила. Пламя то собирается воедино, то разобщается и исчезает, колышется под воздействием ветра. Цвет меняется от красного и ярко-желтого к бледно-фиолетовому. Перед тем как принять важное решение, я становлюсь на удивление чувствительной и в то же время сосредоточенной.

Голоса в моей голове утихают, и открывается путь к звукам. Вслушиваюсь в них, в эти колебания и вибрации, определяю силу и нахожу их источник. Такие моменты становятся незабываемыми, хотя это происходит редко. В эти мгновения растворяются все мысли и остается только рассматривать открывающуюся новую картину. Стираются грани между упорством, сосредоточенностью на достижении цели и тотальным безразличием. Звезды в те дни становятся на удивление близкими, и каждая обладает своим уникальным цветом и, как мне кажется, звуком. Хочется насладиться этим, но некогда – нужно успеть сделать все в течение пяти часов, пока голоса не вернулись.

Глава 2

Я облокотилась на парту и, уткнувшись в словарь, вспоминала иностранные слова и их перевод. И вдруг мне в лицо попадает что-то холодное и противное. Фу, что это? Тряпка. Я в смятении озираюсь по сторонам, раздается смех. Я бросаю ее обратно толстому однокласснику, уже и не помню, как его зовут. Для меня они все как одна огромная серая масса, даже тряпку я уважаю больше, чем

одноклассников. Орудие пролетело над головой у полного мальчика, который, негодуя, рявкнул: «А я тут при чем?»

Ноги уносят меня с места, и я сама не замечаю, как оказываюсь в туалете, словно между классом и туалетом был тоннель, по которому я беспрепятственно пролетела, хотя препятствия на пути все же были. У доски стоял еще один мальчик из моего класса и пытался сдвинуть два передних стола так, чтобы преградить мне дорогу и перекрыть выход из помещения.

Я пролезла под партами – с физической подготовкой у меня проблем не было. Другой одноклассник тем временем схватил ведро, в котором промывают тряпки после меловой доски, и поставил над моей головой, показывая, что он выплеснет его содержимое на меня. Я схватила ведро и толкнула одноклассника так, что полетели брызги. Мои чистые блузка и юбка намокли, к ним прилипли разбухшие кусочки бумаги, да и рубашка одноклассника тоже вся промокла, что спровоцировало хохот остальных ребят, находящихся в классе. Не люблю, когда смеются надо мной. Я закрыла лицо руками и выбежала в этот самый тоннель.

«Они получают по заслугам! Они заплатят за это! Пусть сейчас мне некуда идти и некому доверять и я совершенно разочаровалась в учителях». Я обращалась и к директору школы, и ко всему педагогическому составу, но им было все равно. Одна учительница так и сказала: «Меня не интересует совершенно ничего, кроме вашего образования. Конфликты решайте сами». Они заняты исключительно своими бумажками, а на будущее людей им наплевать! Сейчас бы я назвала их консьержками, потому что они зарабатывают себе на жизнь, а значит, работают только ради того, чтобы не сдохнуть от голода. «Может, сегодняшний день для меня последний из-за того, что они вовремя меня не выслушали», – думала я.

Я знала одно: доверять никому нельзя. Этому меня научила бабушка. По ее рекомендации я построила между собой и миром воображаемую стену. Время от времени возникало желание пойти и посмотреть, что за этой стеной, но я тут же представляла, как бабушка бьет меня по рукам со словами: «Кто ж тебя вытаскивать-то будет из всего того дерьма, что ты натворишь?» Я с детства знала несколько правил. Первое: что бы ты ни задумала, нужны деньги, а денег у тебя нет; на чужую поддержку не рассчитывай, не будь попрошайкой. Второе: доверять никому нельзя, потому что каждый может предать.

Я хотела попробовать доверять и одновременно звала на помощь весь мир, я кричала, но меня никто не слышал из-за непроницаемой стены, которую я сама себе возвела. Но полностью изолироваться от мира не получалось. Иногда воображаемая высокая стена взрывалась. Такое происходило редко, но все-таки бывало. Оставаясь на какое-то время без этой стены, я словно появлялась голой в людном месте: по моему лицу было отчетливо видно, в каком настроении я нахожусь. Иногда я даже завидовала неодушевленным предметам – карандашам и кистям – из-за того, что они такие бесчувственные и никто не может причинить им страдания.

Я посмотрела в разбитое зеркало туалета и увидела красное воспаленное лицо, и без того ужасное, покрытое прыщами. В уголках глаз остались белые пятна, судя по всему, от грязи. Я снова умылась и посмотрела в зеркало в надежде на то, что там окажется другой человек. Но нет, все та же чумакая физиономия. Мыло в пластмассовой мыльнице размокло и стало размазней, потому что туда кто-то налил воды. Я была похожа на это мыло, такая же аморфная и бесформенная, и каждый мог бы взять меня в руки и слепить все, что вздумается. Но придет время, и этому настанет конец.

Салфеток и туалетной бумаги как всегда не было, поэтому пришлось вырывать листы из тетради, чтобы высморкаться. Скамейки тоже не было предусмотрено, поэтому я уселась на холодный бетонный пол и уткнулась лицом в колени. Послышались шаги.

– Что здесь происходит? – скрипнула открывающаяся дверь, и раздался строгий мужской голос. – Марина? – удивленно спросил кто-то. – Что произошло?

В дверях стоял Максим Александрович, наш учитель музыки. Он носил коричневую жилетку поверх белой хлопчатобумажной рубашки с закатанными по локоть рукавами и темно-оливковые брюки. Высокий, стройный, с длинными волосами, с правильными чертами лица – я бы и сейчас назвала его не просто ухоженным, а именно красивым. Спустя годы он изменился в худшую сторону. Его волосы были настолько длинными, что, как только учитель опускал голову, его челка падала на лоб и скрывала глаза. Обычно он поправлял эти волосы, но, как только они отросли до нужной длины, начал собирать их в хвост. Очки в квадратной золотистой оправе подчеркивали его жесткие черты лица.

Этот человек в нашей школе работал недавно. Вообще учителя музыки здесь постоянно менялись и надолго не задерживались: то к нам приходили студенты-

практиканты, то новые учителя, которые, не проработав и месяца, увольнялись. Представители местного педагогического состава жаловались, что музыку, как отдельную образовательную дисциплину, никто не воспринимал всерьез, поэтому ее часто заменяли другими предметами, такими как физкультура или изобразительное искусство.

Учитель попросил меня выйти из туалета и стал расспрашивать о том, что произошло. Я рассказала правду. Он поинтересовался, началось ли у меня занятие.

- Началась география, но я туда не пойду! - всхлипывая, произнесла я.

- Не любишь географию? - спросил Максим Александрович.

- Ненавижу! И географию, и одноклассников, и детей из других классов, и все предметы вообще! - эмоционально проговорила я и, сделав паузу, добавила, что люблю только музыку.

- Хорошо, - кивнул головой учитель и улыбнулся, - пойдем со мной. У меня как раз сейчас нет занятий.

Он достал из кармана пиджака большую связку ключей. Безошибочно определив нужный, он неспешно открыл им кабинет музыки. Мы прошли сквозь стройные ряды парт с поставленными на них стульями, мимо доски и проникли в маленькое помещение, отведенное для хранения музыкальных инструментов и архивов. Я впервые оказалась здесь, в этой секретной комнате. В углу стояло пианино, на закрытой крышке которого были разбросаны разные бумаги, а пузатая стеклянная ваза до краев была наполнена канцелярскими принадлежностями. К пианино был приставлен маленький стульчик на колесиках. В углу, справа от пианино, располагался комод, где на стопке нотных тетрадей красовался декоративный подсвечник. Посередине комнаты стояла электроакустическая гитара на подставке. Рядом с гитарой - колонка-усилитель с мотком проводов. В углу стоял стол, на нем - массивный дисковый телефон, электрический чайник и несколько кружек, а рядом старое темно-красное кресло на пружинах. Все казалось таким древним.

- Будешь чай? - ласковым голосом спросил учитель.

– Ну, если можно, – застенчиво произнесла я.

Глава 3

Позвольте, я приведу здесь письмо мамы к отцу. Некоторые детали этого письма не сохранились, поскольку я воспроизвожу его по памяти. В определенный момент я сожгла его, чтобы вместе с ним сгорела моя душевная боль. Письмо сгорело, а вот чувства – нет.

«Сергей, я по тебе так соскучилась! Вспоминаю наши совместные прогулки, наше знакомство, первое свидание, закаты, подарки. И понимаю, что здесь, в этом мегаполисе, я одна. Раньше у меня было много знакомых и друзей, но, когда в моей жизни появился ты, это все потеряло свою былую роскошь. Словно бриллианты рассыпались, превратились в пыль. Я поняла, что меня больше ничто не радует, кроме тебя!

Я обожаю танцевать, потому что в эти минуты эмоции переполняют меня и музыка накрывает с головой, люблю, когда картинки сменяют одна другую, образы и пейзажи проскакивают, как кадры киноленты. Надеюсь, мы еще сходим потанцевать вместе, да? Прости меня за мою несдержанность. Тебе ведь нравилась моя смена образов, ты говорил, что я сегодня совсем не такая, как вчера, что это как будто два разных человека. И каждый день ты будто бы знакомился с новой женщиной, одним из моих образов. Так вот я и сама не знаю, какая из этих образов я. Я по сей день знакомлюсь с ними и пытаюсь договориться. Не знаю, что на меня нашло, когда я уходила от тебя. Это была не я, это было что-то из тех образов. Я не представляю, какая из этих множественных Я пишет это письмо тебе сейчас. Не исключено, что вскоре я откажусь от этих слов, но сейчас я кричу о своей боли.

В попытке спрятаться от одиночества я много путешествовала и недавно побывала в Греции. Здесь ничего интересного, кроме пляжа. Гостиница старая, кормят чем-то своеобразным, мне противно даже притрагиваться к тому, что здесь готовят. Местным, наверное, привычно. Поговорить здесь не с кем: кругом

одни туристы, да и те по-русски не понимают. Я продолжаю танцевать, но даже танцы не приносят счастья. Чем бы я ни занималась, тех эмоций, какие я испытывала рядом с тобой, я больше не получаю. Я чуть из окна не выпрыгнула (были и такие мысли). Но ради дочери я останусь здесь. Но вообще я думаю, что, когда появится ребенок, я погибну где-нибудь на тусовке. Больше я сказать тебе ничего не могу. Берегу подвеску в виде кельтского креста – твой подарок.

Я уверена, что так не может долго продолжаться. Когда-нибудь я от тебя устану, и ты от меня, наверное, тоже. Но ты ведь знаешь, что я беременна и скоро у нас родится дочь. Давай снова будем вместе? Это важно для нас и для нее. Если мы сможем еще хотя бы раз встретиться где-нибудь в этом беспорядочном мире, думаю, я смогу рассказать тебе о многом.

Дорогому Сергею

от Ирины, его безбашенной жены».

Каждый раз, когда я перечитывала это письмо, мне становилось все грустнее и грустнее. А перечитывала я его уже раз сто. Зачем – не понимаю. Это похоже на Instagram: каждый раз, когда я его смотрела, мне становилось плохо, но я продолжала это делать. Инстинктивно, по привычке. «Ты реально думаешь, что все написанное здесь – правда? Может быть, отец просто пошутил над тобой. Еще и приписка дурацкая, бредятина про Грецию, и слог хромает. Ты реально в это веришь?» – говорил в такие моменты внутренний голос.

Я заставляла себя успокоиться и заглушить этот голос. В надежде сохранить свободу от таких голосов я забывалась музыкой – брала с подставки гитару и играла отрывок из песни группы Metallica. Затем еще раз перечитывала текст, играла в онлайн-игру, листала ленты социальных сетей и зависала там где-то на час. В те годы я любила часами сидеть в кресле на кухне и смотреть сториз, а также свои и чужие фотографии, особенно старые.

Сэм говорил, что это эмоциональная привязка. Через просмотр видео, прослушивание музыки и восприятие иного рода информации, которая несет за собой отпечаток эпохи, мы возвращаемся в прошлое. Достаточно погрузить себя в определенное состояние, чтобы жить в прошлом, но у таких действий есть неявная опасность. Неявная от того, что мне в этот момент было хорошо и я ощущала иллюзию развития, сравнивая себя с тем, кем была два года назад, пять лет назад и так далее, но в действительности я бездарно прожигала жизнь.

Я могла бы назначать свидания, общаться с мужчинами и получать от них материальные блага.

Но в тот день я не разомкнула этот круг. Открывая чью-то очередную прямую трансляцию, я убеждала себя, что мне это интересно. Хотя содержание там обычно никчемное: то музыкальный концерт в подвале, то два коуча делятся рассуждениями о том, как лучше жить, то девушка танцует перед зеркалом со своим ребенком, то мужчина в спортзале делает сеты в десять подходов.

«Зачем ты это смотришь? Зачем засоряешь свой мозг?» – спрашивала я у себя.

«А что еще делать?» – отвечала я самой себе.

«Логичный ответ, мне нравится, – усмехнулась я и добавила: – Эта информация не только не принесет тебе пользы, но и наоборот, потянет ко дну».

«Мне все равно», – отвечала я.

Внутренний голос вел меня, направлял, но я сопротивлялась, намеренно заглушая его ненужной информацией. Я погружалась в зарубежные сериалы, мысленно проживая судьбу персонажей. Я выбирала категорию самых деструктивных сериалов на тему любви. Такое часто бывает у девушек, которым живется скучно. Если и смотреть сериалы, то любые, кроме романтических. Сериалы про отношения вводят вас в иллюзию того, что ваши счастье и любовь будут похожи на сериальную. Но такого не будет, жизнь куда более сложная штука, а в сериалах сплошной примитив. То же самое касается всех социальных сетей, игр и прочих инструментов прожигания жизни.

Постепенно эти эмоции словно пеленой разделили пространство между мной и смартфоном, потом отсеки от него еще одну часть, за ней еще одну – так я выпадала из реальности. Снова и снова. Эти эмоции стиснули меня. Так прошли годы. Каждому человеку мама создает опору, фундамент в жизни. А у меня не просто не было этого фундамента. Вместо него был поставлен наркотический насос, откачивающий энергию, забирающий все силы. То, что сначала давало мне энергию, потом требовало вернуть все назад, причем с большими процентами.

В результате я не стояла на земле, я повисла в воздухе. Вокруг – всепоглощающее одиночество. Каждый раз по утрам я осознавала, что однажды могу не проснуться от того, что я повисла. Голоса твердят обвинения, не умолкая, а мне не с кем даже обменяться приветствиями, кроме как с ними. Когда у меня началась паническая атака и эти голоса растормошили меня до изнеможения, я сожгла это письмо. Но воспоминания остались, и в тумане вечеринок их растворить не удалось. Я помнила письмо наизусть, точнее, голоса надиктовали мне его, а я записала. Голоса стали соавторами этого письма.

Глава 4

Максим Александрович открыл ящик комода и достал оттуда блюдце, ложку, чай, пакет с печеньем и конфеты. Положил чайный пакетик в кружку, налил кипятка и заботливо подал мне. Сам присел на стул рядом с пианино, открыл крышку инструмента и сыграл несколько аккордов.

– Мне продолжать? – Он взглянул на меня и улыбнулся.

– Да, – блаженно произнесла я.

Музыка словно уносила меня в другой мир. До сих пор вспоминаю эту мелодию. Как только она закончилась, я искренне зааплодировала.

– Нравится? Это же Пол Маккартни, – прояснил Максим Александрович. – Узнала?

Я молча кивнула, хотя не была знакома с творчеством Пола Маккартни, даже имя такое слышала впервые. Стили, жанры, направления музыки, ее теория, разделы и история были для меня тогда *terra incognita*. Учитель заботливо принялся играть следующую мелодию, а я с наслаждением слушала. Можно сказать, что тогда я испытала оргазм, но, будучи школьницей, я даже не знала значения этого слова.

Учитель играл, играл с удовольствием, пока не прозвенел звонок на перемену. И я чувствовала в нем мужчину, сильного и смелого защитника, за чьей спиной я могу оставаться собой. Так и должно происходить в общении между мужчиной и женщиной: он делает что-то для нее, она принимает. Он – активная, дающая сторона, она – забирающая. И если она готова что-либо забрать, а он готов это для нее дать, круг замыкается и создается предпосылка для возникновения и развития отношений.

Звонящий сигнал, приглашающий школьников на занятие, как будто ударил меня по голове. Сладко лилась мелодия Максима Александровича, но тут грянул звонкий всепроникающий звук, как гром в фильмах ужасов. Учитель все равно продолжал играть, он импровизировал, на ходу сочиняя новую концовку, чтобы не нарушать эмоциональный баланс резкой остановкой. Когда последняя композиция была завершена, учитель шепнул мне: «Нам пора на урок. Тебе на свой, а мне – на свой. Больше не грусти, а если нужна будет помощь, обращайся».

Я вышла из кабинета и увидела, что за партами уже сидел незнакомый мне класс. Дети оборачивались на меня. Я так увлеклась музыкой, что потеряла способность ориентироваться в пространстве и чуть не врезалась в стол. Я забыла, как одноклассники издевались надо мной, забыла о несправедливости мира и всех способах покончить с собой, я забыла даже портфель со всеми учебниками в кабинете географии и то, какой урок следующий. Забота преподавателя уравнивала мое состояние, я улыбалась. Я и не подозревала, что эта ситуация создаст мощную эмоциональную привязку к человеку.

– Начнем с проверки домашнего задания! – произнес Максим Александрович. – Анна, напомни, пожалуйста, что я задавал вам на прошлом занятии.

Урок музыки начался у других учащихся, но закончился у меня. Я поспешила в кабинет за потерянным ранцем. Учительница географии стала ругаться на меня за то, что я прогуливаю уроки и оставляю вещи в классе, вынуждая ее ждать меня, когда ей нужно уходить. Она обвинила меня в том, что из-за меня она опаздывала на совещание. В другом кабинете я получила замечание в дневник за опоздание на урок алгебры. Раньше я бы расстроилась, выслушивая все это, но сейчас мне было все равно. Жизнь засияла для меня новыми красками.

По окончании занятий сосед дядя Саша, как всегда, отвез нас с Дашей (его дочерью и по совместительству моей одноклассницей) домой. Она была моей

единственной школьной подругой, по крайней мере, мне хотелось ее таковой считать. В классе меня особо не жаловали, и Даша, чтобы не портить себе репутацию, избегала контакта со мной в присутствии одноклассников. Мы ходили друг к другу в гости и прекрасно общались вне школы, однако я не помню о своей подруге ничего хорошего.

- Ты почему такая веселая, улыбаешься? - спросила Даша. Это был вопрос с подвохом. Даша любила задавать мне такие вопросы.

- А что, нельзя? - Я дала абсолютно глупый и банальный ответ. Мне нечего было на это сказать.

- Ты обычно всегда хмурая, и повода для радости я не вижу. Тебя же в школе никто не любит!

- Любит, - улыбаясь, ответила я.

- Кто? - спросила подруга.

- Ты, - ответила я и демонстративно засмеялась.

- Ненормальная, определенно... - произнесла Даша. - Влюбилась, видно, в мальчика из класса. Признавайся, кто это! Олег? Артур?

Я отодвинулась максимально далеко, посмотрела ей пристально в глаза и заулыбалась. Это был мой фирменный прием, который я практиковала в подростковом возрасте. Сделав так, я могла легко сменить тему разговора. Обычно я садилась напротив человека и, уставившись на него, улыбалась, но дело было на заднем сиденье автомобиля, так что прием не сработал.

- Неужели никто? - удивленно спросила Даша. - Вы бы стали отличной парой со Славой, да и Паша тебе под стать! А как же Егор? Отличное сочетание: Егор и Марина Егорова.

Она прекрасно понимала, что ничего у меня со Славой и Пашей выйти не могло, потому что эти люди издевались надо мной больше всех. И Даша мной пользовалась. Каждый раз она просила у меня ручку, но так и не возвращала ее

обратно. Если я отказывалась дать списать домашнее задание, поделиться карандашами или помочь еще с чем-то, она делала удивленное лицо и говорила: «Ай-ай-ай! Марина, ты же моя лучшая подруга, мы так не договаривались!» Но когда я у нее что-то просила, она говорила «потом» или «подумаю», и ее взгляд всегда был хитрым.

Помню, был случай, когда я оставила дома краски для урока рисования, так как не предполагала, что они потребуются для новой темы. Я попросила у Даши сесть рядом с ней и воспользоваться ее красками, но с ней обычно сидела Ксюша. Ксюша ухмыльнулась и дерзко произнесла: «Она тебе не даст! И я тебе тоже никогда ничего не дам!» А Даша подошла ко мне, ласково взяла меня за руку и успокаивающе произнесла: «Мариночка, ты не расстраивайся, но я сижу с Ксюшей. Мы с ней договорились заранее. Если бы ты мне сказала пораньше, я бы села с тобой, но извини, место занято!» С Дашей я сидела редко. Обычно она садилась с Ксюшей или со Славой и, находясь рядом с ними, говорила им гадости про меня.

Вечером мы пошли всей семьей в супермаркет. Я, отец и бабушка. Сделать это было не так-то просто, ведь мы жили в десяти километрах от ближайшего поселка. Автомобиля у нас не было, так что мы постоянно просили соседей, чтобы те нас довели, а обратно добирались как придется. Иногда ловили проезжающие мимо машины, иногда доезжали с пересадкой на автобусах. Прямого маршрута тогда не было, денег на такси тоже. Дядя Саша изредка давал папе свою машину. Говорили, что и у нас раньше была машина, но ее продали, когда умерла мама.

В нашем деревянном доме постоянно жил кто-то посторонний. На кухне ночевал папа, в комнате ютились мы с бабушкой, еще одну комнату мы сдавали. Обычно приходили папины друзья и устраивали пьянки, но папа сам их выгонял и говорил, что они ему никакие не друзья. Потом у нас жила женщина, которая делала прически, и к нам в дом рванула толпа. Казалось, все жители окрестных деревень направились в нашу сторону, чтобы подстричься у этой замечательной женщины. Мне было очень неуютно, фактически никакого личного пространства не было.

Тем вечером я слышала только шум фена и металлический лязг ножниц. Раньше это мешало мне делать уроки, но с того знаменательного дня я была поглощена музыкой. Я больше не спорила с отцом, не просила отдать эту комнату мне, не жаловалась преподавателям на беспокойную жизнь. Моя настоящая жизнь

расцветала в моих фантазиях. Каждый раз по телу пробегала легкая дрожь, когда я проходила мимо кабинета музыки. При виде Максима Александровича я вздрагивала и реагировала очень рьяно, словно собака, которая не видела своего хозяина неделю. Одно только его «Здравствуй!» могло привести меня в восторг. Я оставалась с ним на переменах и после уроков, мы, как и прежде, пили чай. Это стало нашей традицией, он в шутку называл наши встречи творческим объединением.

- Что мне сказать бабушке и папе, если они спросят, где я?

- Скажи, что ты вступила в творческое объединение музыкантов и учишься правильно писать и воспринимать музыку, - посоветовал учитель.

Я и правда научилась основам игры на гитаре и на фортепиано, узнала больше о музыкантах прошлого, стала различать музыкальные стили и направления. Мы даже собрали небольшую группу людей, которая согласилась совместно создавать песни и выпускать их под моим именем. После этого школа еще больше наполнилась слухами обо мне, но, несмотря на это, она мне понравилась.

Когда Максим Александрович уезжал, я безумно скучала и творила жуткие вещи. Однажды я отправилась в учительскую узнать, куда он пропал. Завуч ответила, что Максим Александрович на обучении - защищает научную работу. И добавила: «Тебе он зачем? Что-то передать?» Мои руки похолодели, я встала как вкопанная, промолвив: «Мне нужно исправить отметку по музыке». Завуч достала классный журнал, открыла страницу с нужным предметом и нашла мою фамилию.

- Хм, нет у тебя никаких пропусков, с успеваемостью все в порядке. Пятерки одни. Тут и исправлять нечего! - завуч пожала плечами.

- Ко всем предметам так бы ответственно относилась, как к музыке, - из кабинета раздался голос учителя русского языка и литературы.

- Да-да, - кивнула я. Дескать, о литературе я тоже позабочусь.

- Что-то еще хотела? - поторопила меня завуч.

– Нет, все хорошо. Наверное, я его с кем-то перепутала.

– Кого? – удивилась завуч. – Тебя опять обидел кто-то?

– Ну, Максима Александровича, это он меня всегда обижает! Ой! То есть нет... – Я поняла, что пришла пора прекратить этот диалог, пока из меня не посыпались ничемные оправдания. – Ну, ладно, неважно. Извините. До свидания, мне надо на урок.

Педагогические работники закрыли дверь. Из-за двери послышалось: «Странная она какая-то, эта Егорова. Давно пора пригласить отца на собрание, но он все равно не соизволит прийти».

Все началось с этого дня, и, наверное, я сама неожиданно для себя дала повод для слухов. Мы ехали в одной машине с Дашей и ее отцом. За окном шел дождь, и отец монотонно мотал головой и повторял: «Девочки, какие ваши годы! Все будет хорошо». Я хотела прогулять занятие, но сделать это было никак нельзя: бабушка ужесточила натиск и задавала все больше ненужных вопросов. Неделя прошла скучно, меня чуть было не одолели простуда и осенняя хандра.

Когда Максим Александрович вернулся из поездки, я отправилась в музыкальный клуб, но это не принесло мне такого удовольствия, как раньше. Я отказалась от чая и вместо впечатлений о музыке рассказала преподавателю о своих проблемах. Он выслушал меня, успокоил и предложил подвезти на своей машине до дома. Мы катались по окрестностям, шел дождь, и серые капли скатывались по лобовому стеклу.

– Какая тебе разница, что подумают о тебе другие? Я, например, нестандартный преподаватель. Школа просит соблюдать стандарты, а я написал свою методику. Отчитываюсь перед коллегами так, как они хотят, а то, что происходит на занятиях, это мое дело. Так вот, твоя жизнь – это твое дело! Не надо жить по шаблонам!

– Подождите, а как же отец, бабушка? Я ведь должна радовать их, – возразила я.

– Опять ты за свое. С чего ты взяла, что должна их радовать? Прежде всего радуй себя.

Мы оба замолчали. Как радовать себя, подумала я, если все способствует обратному. Погода на улице, обстановка дома, в школе. Вот занятия музыкой делают меня счастливой, а когда я прихожу домой, мое счастье улетучивается, как пыль, которую смахнули тряпкой. Я хотела бы спросить у Максима Александровича, почему так происходит, но он неожиданно прервал тишину.

- Можно, я задам тебе вопрос некстати?

- Ну, задавайте, - ответила я.

- Ты сама себя ласкаешь?

- Что? - удивилась я и в смущении отвернула взгляд.

- Мастурбируешь? Только честно, - не унимался преподаватель.

Его вопрос застал меня врасплох. Я покраснела и молча кивнула. Разволновавшись, я не смогла выдать из себя ни слова.

- Это значит «да»? - не унимался он.

Я вспомнила тот самый секретный прием, с помощью которого можно перейти с темы на тему, но я была так сбита с толку, что только отводила взгляд. А учитель пристально смотрел на меня, что создавало еще большее напряжение. Я опять кивнула.

- Точно? - спросил преподаватель и посмотрел мне в глаза.

- Угу, - не открывая рта, промычала я.

- И что это значит? Ты такая неразговорчивая со всеми или только со мной?

- Да, точно, - через силу произнесла я.

- Когда последний раз?

– Максим Александрович, мы не догова...

Я хотела произнести: «Мы не договаривались», любимые слова Даши, которые безотказно, на ее взгляд, работали. Мысли перемешались, я хотела сказать, что не намерена отвечать на такое количество вопросов, ведь Максим Александрович просил разрешения только на один вопрос, но учитель оказался гораздо смелее и настойчивее меня.

– Когда ты последний раз дрочила? – перебил меня учитель.

– Ну, последний раз это было год назад, а может, и два года, честно, не помню, – призналась я. – Попробовала в тринадцать, но бабушка сказала, что это плохо, и я перестала. Я сама у нее об этом спрашивала, она очень негативно к этому относится.

– Ты берешь с нее пример?

– С кого?

– С бабушки, с кого же еще? Хочешь стать такой же, как она?

– Ну, нет. Скорее всего, нет.

– Сегодня же нарушь ее запрет и займись мастурбацией, – сказал Максим Александрович.

– А если они узнают? Увидят? Я ведь живу в одной комнате с бабушкой.

– Так ты не говори никому! – усмехнулся учитель. – Запрись в ванной, допустим... с душем или пальчиком, – сказал он и замолчал. – Эх, гляжу, ты сама себя не любишь. Ну-ка...

Он снял с себя очки, прикоснулся своим лицом к моему лицу и провел носом по моей покрасневшей горячей щеке. Мне стало страшно, я вжалась в сиденье, обдумывая побег из машины.

– Что чувствуешь? – прошептал он мне на ушко.

- Ничего, - ответила я.

- У тебя руки дергаются, - заметил учитель, - расслабься, закрой глаза.

Я зажмурила глаза, стараясь побороть свой страх и не думать о происходящем. Учитель просунул свой язык мне в рот, провел им по моим стиснутым от страха зубам.

- Ну как? - спросил он, улыбнувшись.

- ...

- Я тебя поцеловал! Когда ты последний раз целовалась?

- Никогда, - призналась я дрожащим голосом. Я вообще не понимала, что происходит.

- Вот это да. Я первый мужчина, который тебя поцеловал! Хочешь, повторим?

Я отказалась, но, видимо, недостаточно убедительно, потому что Максим Александрович взял меня одной рукой за горло, а другой прикоснулся к моей груди. Он целовал меня жарко и страстно, облизывал мои губы, слегка покусывал их, прикасался к моей груди, не снимая одежды. Я почувствовала внизу живота легкое возбуждение, у меня закружилась голова и сил на сопротивление больше не было. Мои глаза закрылись от удовольствия, и я будто бы полетела вверх, в невесомость. Он взял меня за руку и направил ее себе между ног. У него там все было твердое. Я испугалась и убрала свою руку. Происходило что-то новое для меня, но в то же время очень приятное. Я услышала шепот: «Тебе нравится?» Я ничего не ответила - слова были излишними.

- Уже темнеет. Тебе пора домой, а то папа с бабушкой тебя потеряли, наверное. Помни, что я тебе сказал. Не слушай советы тех, на кого бы ты ни хотела быть похожей. И сегодня перед сном побудь наедине с собой. И еще, - прошептал Максим, приблизившись ко мне: - Пообещай никому об этом не рассказывать. Ты уже взрослая девушка.

Я вышла из машины словно пьяная. Дождь идти перестал, окрестности потемнели от сырости, и все сочилось водой. Лениво двигались массивные облака с четкими контурами, обведенными световой каймой. Темная сырость делала пейзаж зловещим и в то же время притягательным, завораживающим. Стоило посмотреть на небо под другим углом, и рисунок облаков тут же менялся. Я долго простояла, разглядывая этот необычный рисунок. Открывая калитку, стараясь не шуметь, я незаметно вошла в дом. В комнате бабушка смотрела телевизор, в кухне дремал отец, у соседей уже давно царствовал сон.

Глава 5

Для отношений подходят мужчины. Но кто сказал, что только они, ведь хороши и девушки? Они – слепые котята, живущие больше сердцем, нежели умом. За ними нужно ухаживать, аккуратно гладить их по спинке, чесать за ушком, чтобы в конечном итоге добиться урчания. Затем перевернуть их на спинку и почесать им брюшко. Лезвием. Потом резким и незаметным движением надавить, чтобы брызнула струйка крови. Котенок запищал: он все понимает, но ничего изменить уже не может. Из его небесного цвета глазенок выпрыгивает вопрос: «Зачем?» Разве не ясно, зачем я это сделала? Я оставляю лезвие, беру топор и с размаху ударяю существо по голове. Какие брызги!

Отношения – это средство достижения цели. Это оружие. Как секс, алкоголь и наркотики. Меня интересуют неуверенные в себе девчули, наделенные земными богатствами и субъективно-духовным счастьем. Обычно это дочери строгих отцов из категории правителей. Неуверенным в себе быть стремно, поэтому они трансформируют свою неуверенность во что-то чертовски пафосное и театральное, что притягивает публику. Зрители восхищаются, аплодируют стоя. Чем вы так восхищаетесь, ведь это всего лишь понты?

С Джейн мы познакомились на вечеринке наших общих знакомых год назад. Там она была слишком пьяна, чтобы вообще что-то понимать. Мне стало дико интересно, кто она, откуда у нее такие деньги и почему она собирает вокруг себя так много внимания. И каждый раз, когда мы встречались, она проявляла себя по-разному, демонстрируя актерские способности. Я исследовала ее ровно

год, но правильным решением было сильно напоить Джейн в ее любимом китайском ресторане. Джейн обычно заказывала там острые супы, лепешки и нугу.

– Знаешь, Джейн, – с напускной уверенностью произнесла как-то я за бокалом вина, – ты мне очень напоминаешь мою мать. Это может показаться странным и даже шокирующим, но иногда мне даже кажется, что ты и есть моя мать. Я была бы очень благодарна, если бы ты рассказала мне о себе и своем прошлом.

Джейн долго молчала, отводя взгляд от меня, как будто пытаюсь что-то вспомнить. Потом произнесла:

– Почему ты так пристально за мной наблюдаешь? Даже если я и есть твоя мать, то что с того?

– Дело не в любопытстве. Мне действительно очень важно это знать.

– Хорошо, – произнесла Джейн, – я расскажу тебе о том, кто я такая, но я возьму с тебя обещание. Ты должна для меня кое-что сделать. Это обязательно! Отнесись к этому вопросу серьезно и ответственно.

– Угу, – кивнула я, что означало «продолжай».

– Тебе нужно будет убить. Убить человека. Он живет на соседней от твоего дома улице. У него есть семья, дети, он владелец производства в области сельскохозяйственных удобрений. Как ты это сделаешь, мне неважно. Главное – результат. Но если ты этого не выполнишь, – Джейн подняла палец вверх, – убьешь меня. Понятно?

«Соглашайся», – вскрикнул внутренний голос.

– А что это за человек? Чем он помешал тебе? – спросила я.

– Не задавай лишних вопросов. Просто определись. Принимаешь условия игры?

– Ну да.

- Точно? – переспросила она.

- Да.

- Ты еще не определилась. Единственное качество в людях, которое меня всегда бесило, это скука, нейтралитет, состояние «ноль». Нельзя находиться между. Есть только свет и тьма, жизнь и смерть, богатство и бедность, здоровье и болезнь, радость и печаль, черное и белое... – вздохнула собеседница. – Неопределившийся человек находится где-то между двух основных противоборствующих субстанций, а значит, его легко столкнуть в любую из них. Нельзя же одновременно быть и живым, и мертвым – эти два определения логически не сочетаются. Можно только болтаться между двух состояний: то жив, то мертв, то опять жив и снова мертв, как тот знаменитый кот Шредингера. С разных точек зрения может показаться, что он жив, а с других, что он мертв.

- Это ты к чему? – спросила я.

«Разве ты не понимаешь, что все это про тебя и про твоё отношение к жизни?» – сказал внутренний голос.

- К тому, чтобы ты определилась. Это наш устный договор. Устный договор закрепляется рукопожатием, – она протянула мне руку.

Я пожала ей руку.

- Джейн, ты права. Есть женщины, которые хотят стать содержанками. Они еще не до конца определились, как они будут жить. Сегодня они решили, что поиграют в офисных трудяг, потому что такое настроение, а завтра пойдут на свидание. Нет, так дело не пойдет.

Первое правило: постоянство. Велосипед надо разогнать. Плоха та лошадь, которая сразу рвется скакать на высоких скоростях. К стабильности можно прийти только путем регулярных усилий в одном направлении и самоконтроля. А у меня расфокусировка. Я действую то в одном направлении, то совершенно в другом. Это как если бы я села на одну лошадь, разогнала ее, затем остановила, спрыгнула и пересела на другую. Так ни одна лошадь не наберет хорошую скорость.

– Да, да, – произнесла Джейн, давая понять, что ей неинтересна эта болтовня, – что ты там хотела узнать обо мне?

– Джейн – это твое настоящее имя?

– Нет, – спокойно ответила она. – Как и твое. У тебя ведь тоже имя ненастоящее.

– Да, но... почему Джейн? Это как-то связано с Мэри Джейн?[1 - Мэри Джейн Уотсон – вымышленная героиня, появляющаяся в американских комиксах издательства Marvel. – Прим. ред.] «О, госпожа Мэри Джейн!» – я воспроизвела строчку из песни.

– Люблю ее, но не до такой степени, чтобы называть себя в ее честь. Как тебе вообще такое на ум могло прийти?

– Не знаю. Просто она крутая, как ты.

– Это очень хорошо, что я у тебя с ней ассоциируюсь.

– Все же какое твое настоящее имя? Можно узнать?

В тот день я уже предвкушала месть. Внутри спорили голоса, один из которых приободрял меня, повествуя о том, что моя миссия – чистить мир от грязи, что я и есть возмездие, потому что я уже убивала людей, и для меня это не будет новым опытом. Другой голос сомневался.

«Твои метания продолжаются до тех пор, пока ты не провозгласишь: „Я жива!“ – и не сдвинешь все рамки, которые возложило на тебя общество. Толкни их слегка, а затем разрушь до основания. Общество будет сопротивляться, но затем поблагодарит тебя за это».

В тот день ко мне пришло новое понимание известной фразы Ницше: «Падающего подтолкни», которая уже много лет подряд украшает паблики и странички модных журналов. Подтолкните падающего, чтобы узнать его суть, узнать, является ли этот падающий жертвой. Куда на сей раз покажет стрелка шкалы его состояния: на запад или на восток? Жертвой выгодно прикидываться, но не быть.

В тот день я опять не могла отличить правду от лжи.

Глава 6

Быть хранителем сна, а точнее сказать, самозванцем, пришедшим как всегда не вовремя, – вот какую роль мне предстояло играть в тот поздний час. Заходя в дом, я двадцать минут пыталась найти дорогу до своей комнаты, рассеянно разглядывая темноту. За все это время вокруг не было ни звука, лишь лай соседских собак, бормотание телевизора и дребезг оконных стекол. С обеих сторон от нашего дома находился сортировочный пункт, и каждую ночь мимо стремительно проносились электрички. Для новеньких этот звук казался громким, но мы уже привыкли. Пока проходил поезд, все обычно спали, но стоило кому-то произнести слово, звук как будто бы усиливался. На самом деле разговор не мог повлиять на шум поезда, но, когда напрягаешь слух и стараешься услышать человека, дом словно наполняется грохотом.

– Где ты была? – с претензией спросила бабушка, и тут же раздался грохот. – Я обзвонила всех твоих одноклассников и учителей, они не знают, где ты. Уже собиралась звонить в полицию. Почему ты так поздно пришла домой?

– Я была в библиотеке, а потом на репетиции! – уверенно ответила я, хотя сама не любила ходить в библиотеки и никаких репетиций у меня не было. Я понимала, что сейчас несусь окопесу и придется выкручиваться. – А что? – добавила я.

– Какой репетиции? Какой библиотеке? Может, хватит дуру гнать?

– Бабуль, я записалась на курсы вокала и готовлюсь к сольному концерту. У меня мечта – стать известной певицей, ты же знаешь. – Я болтала первое, что приходило в голову. Голос немного дрожал.

– Что за бред ты несешь? Ты что, пила? Кто дал тебе алкоголь?!

- Бабуля, я не пила, - начала объяснять я все тем же дрожащим голосом.

- Прекрати мне лапшу на уши вешать, мелкая! Признайся уже, что пила!!! - Бабушка повышенным тоном начала предъявлять претензии. - У тебя ж на морде написано! Вся в мать!!! Ты хочешь такого же печального конца?

Я почувствовала, что бабушка готова во что бы то ни стало устроить скандал, и решила ей подыграть.

- Ну да, я выпила, - подавляя слезы, ответила я, - у одноклассницы день рождения, и меня пригласили.

После этих слов бабушка изменилась в лице и продемонстрировала что-то вроде улыбки. Она стала лояльнее. Люди всегда становятся лояльнее, когда слышат от других то, что хотят услышать.

- Что за подруга? Дашка, что ли?

- Дашка, - кивнула я, - кто ж еще?

- За что я люблю тебя, Марина, так это за твою честность, - произнесла бабушка. Она мгновенно изменилась и тут же включила образ мудрого советника. - Только будь аккуратнее с подругами, они в любой момент могут тебя подставить. Впереди суровая взрослая жизнь, за свое выживание в ней каждый борется сам. Ни на кого не рассчитывай!

Надо же, как только я произношу то, что ей от меня нужно, она успокаивается и начинает говорить о любви. Бабушка как обычно проворчала свои обвинения по отношению к жизни, дала мне какое-то лекарство и села на диван перед телевизором в нашей общей комнате. Вместо того чтобы выпить таблетку, я выбросила ее в мусорное ведро, выпила вместо этого стакан воды и направилась в ванную. Я удерживала в мыслях установку, что все эти слова ко мне не относятся, ведь я хочу прожить свою жизнь, а не повторять бабушкину.

Я зашла в ванну, дрожащими руками открыла кран и поставила затычку в сливное отверстие, чтобы набрать воду. Я уже сняла с себя все, оставшись в одних трусах, задумчиво поглядела на себя в зеркало и подумала о том, какое

ужасное прыщавое лицо смотрит на меня. Проверила, закрыла ли я дверь на шпингалет. Я жутко боялась, что меня застукают. Оставшись в трусах, я просунула руку между ног и слегка надавила на клитор. Несмотря на мой юный возраст, там уже давно росли волосы, от чего я достаточно сильно комплексовала. Мне стыдно было ходить по комнате даже в шортах, потому что я боялась, что бабушка это как-то прокомментирует: «Что раздетая ходишь, оденься, замерзнешь!» или «Как твои ровесницы могут одеваться так, словно блудницы!»

Я второй раз прикоснулась к шпингалету на двери, удостоверившись, что дверь заперта надежно и никто не зайдет. С уверенностью в том, что меня никто не увидит, я сняла трусы. Пальцы спустились пониже лобка, где было меньше волос. Там оказалось тепло и влажно. Я прикоснулась к своим набухшим соскам и, преисполненная напряжения, нырнула в воду, как дельфин. Игра началась. Я раздвинула ноги и включила душ, управляя струей воды. Мне можно было все, ведь Максим Александрович разрешил.

Я лежала в теплой воде, чувствуя, как она ласково прикасается к моему телу и обволакивает его, глубоко дыша и предвкушая наслаждение. Перед глазами извивались мои собственные длинные локоны, словно водоросли. Единственное, что я видела, – серо-бетонный потолок и сияние лампы. Палец скользил по клитору без моего осознанного участия, будто бы это была чужая рука. Он медленно и незаметно погружался внутрь, его туда засасывало, словно корабль, который скользил по волнам и вдруг незаметно затонул. Я делала скользящие движения пальцем то быстрее, то медленнее, и палец, как дельфин, то выпрыгивал из воды, то нырял обратно. Прилив сменяется отливом, затем снова штиль и шторм. Все реки сливаются воедино в бескрайний поток, где больше нет сил сдерживать себя. Напряжение пробежало по всему телу, в глазах замелькали разноцветные узоры, меня пронзила мелкая дрожь, от которой все тело вздрагивало, а дыхание стало глубоким и шумным. Я прикусила губу от наслаждения; конечности онемели и стали тяжелыми. Легкость и спокойствие. Никаких эмоций. Спокойное размеренное дыхание.

Из глубины души донеслась фраза: «А зачем?» Это принесло за собой волнение. Пытаясь остановить эту мысль, я начала задавать себе еще больше вопросов: «А это точно хорошо? Никто не узнает? Не стыдно ли мне будет перед бабушкой? Правильно ли я сделала?»

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Мэри Джейн Уотсон – вымышленная героиня, появляющаяся в американских комиксах издательства Marvel. – Прим. ред.

Купить: <https://tellnovel.com/denis-bayguzhin/suka-rol-kotoruyu-prodiktovala-zhizn>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)